

Теперь он понимал, что что-то происходит. Что-то. Это не сработало бы, если бы он был холоден. Он был слишком внимателен и самосознателен, чтобы сделать это одним махом. Слишком застенчив? Нет, с другими возможно, но не со мной. Он полностью доверял своей матери. У него были друзья в школе, когда он рос, он бывал у них дома и приглашал их сюда, но всегда до определенного предела. Из его школы никто не жил в нашем районе, школа находилась в другом городе, и это было намеренно с моей стороны. У меня не было желания заводить подобные связи; я хотела быть с сыном и хотела, чтобы он был со мной. Все время. Делить его как можно меньше.

По крайней мере, в той мере, в какой это не мешало его развитию. Организованные группы и занятия, на протяжении всего детства он мог заниматься сколько угодно, а я отвозила его сюда или туда на любое занятие и забирала после. Часто я ждала неподалеку в своей машине. Не желая быть дальше от него, чем это было необходимо. Если было возможно, например, когда он занимался спортом, я парковалась так, чтобы видеть его, наблюдать за ним. Восхищаться им. Нуждаться в нем. Быть вдали от него было просто не в моем вкусе; я мирилась с этим, когда приходилось, ради его же блага, но, как само собой разумеющееся, я делала все, чтобы мы были вместе.

С самого раннего детства мы вместе готовили, вместе занимались домашними делами, вместе ходили по магазинам. Я не претендую на то, что он всегда и всем был доволен. Но так же, как я не потакала ему всегда во всем, что он хотел, я потакала ему в здоровых вещах, которые он хотел делать, и упорно работала над тем, чтобы он принимал противоположные решения с благосклонностью. Иногда он мог быть трудным, даже вызывающим, когда ему не давали дорогу, особенно когда он был младше; но когда он вырос, он приобрел многие из тех черт, на которые я надеялась. Мой сын добрый, щедрый, внимательный, вежливый и проницательный, а также сильный и напористый, и я рад добавить, что, когда он считает нужным, он может быть сильным и доминирующим, не затмевая другие качества. Я никогда не считала его высокомерным, по крайней мере, кроме как со мной, но это часть нашей динамики, и мне это нравится, это заставляет меня чувствовать себя покорной ему. И я не хочу сказать, что он никогда не ошибается, но когда он ошибается, он любезно признает это и решает ситуацию наилучшим образом. Да, я могу рассказывать о нем целыми днями, но ведь какая мать этого не сделает, правда?

Когда он достиг подросткового возраста, я обнаружила, что он стал проводить больше времени, чем обычно, в своей спальне, и хотя я понимала, что это естественно и даже важно, я не собиралась это поощрять. Как только он занял свое место в качестве моего хозяина, что ж, если он захочет отдалиться, то мой долг и обязанность подчиниться ему в любой форме, которую он укажет. Однако для моего юного принца в те времена моей обязанностью было следить за тем, чтобы особая близость, которую мы взрастили, не была утрачена. По правде говоря, это была не такая уж большая перемена, достаточно того, что я ее заметила. Он всегда стремился быть рядом со мной, как я его к этому приучила, поэтому я чувствовала разницу и не могла не хотеть что-то сделать.

С одной стороны, я всегда много работала над своей фигурой и всегда одевалась для сына если не вызывающе, то уж точно привлекательно. Да и вообще, кому не нравится быть рядом с привлекательным человеком? Мне нравилось наряжаться, одеваться, причесываться, пользоваться косметикой и все такое, с целью выглядеть хорошо на благо моего принца, как и все, что я делала, было на его благо. Я хотела, чтобы он, и его маленькие школьные друзья, и их родители, и учителя, и все в его жизни видели меня привлекательной, зная, что это должно

хорошо отражаться на нем. И действительно, если это вызывало в нем чувство защиты или даже ревности, что ж, это здоровые и позитивные чувства, которые он должен испытывать к своей матери.

В это время я осознала, что постепенно начинаю менять свой гардероб в сторону более откровенного. Некоторые могут сказать, что это даже распутство, что не было моей целью, но тогда я определенно не исключала ничего в своих нарядах, если думала, что это будет на благо моего сына. Откровенные топы с мини-юбками стали моим любимым повседневным стилем одежды, и я не сомневаюсь, что мой сын в конечном итоге выиграл от каждого сантиметра плоти, который я демонстрировала, от каждого изгиба, который я показывала через облегающие, эластичные ткани.

По вечерам, после захода солнца и задернутых штор, я носила по дому исключительно нижнее белье. Бебидоллы были обычным выбором, часто поверх басок, поясов с подтяжками, чулок и стрингов. Я экспериментировала с различными прическами и начала носить волосы в косичках или пучках с самыми откровенными нарядами. Я рассудила, что, как и в любой другой сфере моего поведения, лучше всего подать здоровый пример моему сыну, как должна вести себя женщина в его жизни.

Мои усилия не могли не иметь положительного эффекта. Возможно, с моей стороны это была небольшая реакция; я эмоционально и непропорционально отреагировала на очень незначительное изменение в поведении сына. Однако размышление об этом не означает, что я сдержала эти изменения, просто я поняла, что не должна полагаться только на одно измерение. Поэтому, с другой стороны, я искала другие способы взаимодействия, искала новые интересы, которые мы могли бы разделить, которые помогли бы нам взаимодействовать более по-взрослому.

Мы оба любили читать, и я предложил начать читать одни и те же книги и обсуждать их, что показалось мне очень интимным. Сначала мы брали по экземпляру и читали по отдельности. Потом была одна книга, которую мы оба очень хотели прочитать, а у нас был только один экземпляр, поэтому сначала мы читали ее по главе за раз. Это было медленнее, чем мы привыкли, и однажды вечером мы решили сесть вместе на одноместное кресло и прочитать одну и ту же главу вместе. Обнаружив, что нам это нравится, мы стали делать это регулярно. Сначала один или другой из нас держал книгу, потом иногда мы оба держались за руки, держа ее вместе. Это было просто блаженство.

Мы начали вырабатывать маленькие сигналы о том, что готовы перевернуть страницу, сначала, возможно, просто кивком головы, потом это стало постукиванием или почесыванием пальцем по руке или руке друг друга. Потом это превратилось в легкое поглаживание, где бы ни находилась наша рука. Когда я чувствовала, что его палец начинает проводить вверх и вниз по внешней стороне моего бедра, я знала, что он готов. Через некоторое время это переросло в легкое подталкивание носом в плечо или даже в щеку. Затем за толчком следовал легкий поцелуй. Иногда это было похоже на игру: кто первый закончит и сможет поцеловать другого в щеку, шею или ухо, но мы всегда концентрировались на теме страниц, читая их, радуясь друг другу. Иногда наши сеансы чтения продолжались часами, и он всегда с энтузиазмом ждал продолжения. После этого у нас больше никогда не было отдельных книг, и хотя было много других вещей, которые мы делали вместе, чтение с сыном было одним из моих любимых занятий, я чувствовала себя так, как будто я принадлежу ему, свернувшись калачиком, и я уверена, что он чувствовал то же самое.

Мы с ним все точно планировали: как только он заканчивал учебу на день, он шел стричься, потом тренировался в спортзале, после чего принимал там душ и освежался. Затем он заходил

к портным, чтобы забрать свой костюм, теперь уже подогнанный по фигуре, ремень и туфли к нему - коричневые, под цвет его роскошных густых волос - и отправлялся домой около семи вечера. Я пообещала ему подарок на день рождения, но настояла на том, что он должен будет точно следовать намеченным мною шагам. Как обычно, он припарковался в гараже у дома и вошел через боковую дверь на кухню.

Войдя внутрь, я велел ему найти на кухонном острове конверт с его именем; он должен был отнести его в гостиную и сесть в одноместное кресло, в котором мы вместе читали наши книги - там для него будет напиток, прекрасный шотландский односолодовый виски, я готовил его вкусовые рецепторы в течение последних нескольких месяцев, выбирая прекрасный виски - сам не знаток, я изучил достаточно, чтобы убедиться, что он с ним знаком. Это одна из тех вещей, в которых человеку полезно иметь некоторый опыт. Затем он должен был расслабиться и прочитать содержимое конверта. В конце письма содержались инструкции о том, как действовать дальше. Тогда он будет знать, какой выбор перед ним стоит, и я был уверен, что он вооружен способностью принять правильное решение.

"Тебе сегодня восемнадцать лет", - прошептала я, как мне показалось, в сотый раз. Может быть, это действительно был сотый раз. Я запомнил все, и это было похоже на декламацию речи или сцены из пьесы.

"Ты - мужчина в доме. Ты всегда был мужчиной в доме, но теперь эта должность официально принадлежит тебе".

Ты должен занять. Что-то особенное в этих словах. Все, что я описывала, он должен был взять. Быть отданным ему, подаренным, одаренным, да. Но самое главное - быть взятым им.

"Все твое: право собственности, владение, дела, деньги, активы. Все. Все без исключения. Все это - твоя собственность. Включая дом".

Мне нравились эти слова. Мне нравилось произносить их, я повторяла их снова и снова в предвкушении этого дня, когда я, наконец, скажу их своему сыну.

"Теперь дом - твоя собственность". Мои ноги покалывало. Мои ресницы трепетали, глядя на меня в зеркало.

"Дом теперь твоя собственность, как и все, что в нем находится".

Вот, теперь я мог это слышать. Звук двигателя.

Звук мотора. Я быстро определила, что это машина моего сына, не то чтобы я обычно могла различить звуки двигателя, но за последние шесть месяцев, что он водил машину, я привыкла слышать его почти каждый день, обычно из офиса на первом этаже, где я делала большую часть своей работы, но даже из спальни хозяина в дальней части дома я могла слышать его, хотя и слабо. Потому что это был он... вот почему этот звук стал таким мгновенно узнаваемым. Мой принц, моя цель. Мой сын был дома. День за днем этот звук ассоциировался у меня с облегчением и радостью.